

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ – КЛЮЧЕВЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Препринт

Москва 2020

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель темы,
Ведущий научный сотрудник
ИНСАП РАНХиГС,
канд. геогр. наук

(подпись, дата)

Ю.Ф. Флоринская
(введение, разделы 1,2, 3,
4)

Исполнители темы

Ведущий научный сотрудник
ИНСАП РАНХиГС,
канд. геогр. наук

(подпись, дата)

Н.В. Мкртчян
(разделы 1,2, 3, 4,
заклучение)

АННОТАЦИЯ

Работа содержит краткий обзор исследовательских направлений миграции молодежи в мире и в России, а в основной своей части посвящена анализу направлений и структурных характеристик молодежной миграции – в целом и в пределах России. Используются данные Росстата по отдельным потокам миграции (внутрирегиональная, межрегиональная, международная) в разрезе 1-летних и 5-летних возрастных групп целом по за 2011-2018 гг., в разрезе отдельных регионов и направлений – за 2016-2018 гг., в разрезе муниципальных образования – за 2016-2018 гг. Выявлены основные регионы – центры притяжения молодежи, а также муниципальные образования, получающие наиболее интенсивный приток мигрантов в возрастах 15-19 и 20-29 лет. В работе учтены современные проблемы статистики долговременной миграции, неполноты или избыточности учета миграции в отдельных возрастах.

Текст работы содержит четыре раздела, 8 рисунков и 2 таблицы.

Содержание

Введение	5
1. Основные направления изучения молодежной миграции в России и в мире	5
2. Направления и структурные характеристики миграции российской молодежи	8
3 Региональные особенности миграционного баланса молодежи отдельных возрастов	12
4 Миграция молодежи на муниципальном уровне – ключевые направления	15
Заключение	21
Список использованных источников	23

Сокращения

ИНСАП РАНХиГС – Институт социального анализа и прогнозирования Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации

Росстат – Федеральная служба государственной статистики

БД ПМО – База данных показателей муниципальных образований

НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

АО – автономный округ, автономная область

МО – муниципальное образование

МР – муниципальный район

ГО – городской округ

ЗАТО – закрытое административно-территориальное образование

НИУ МФТИ – Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)

ЮРГПУ (НПИ) - Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова

Введение

Статистика долговременной миграции в России показывает, что процессы внутристрановой миграции наиболее интенсивно протекают в молодых возрастах. В 2019 г. на возраст 15-29 лет приходилось 33% всех фиксируемых внутристрановых переселений, на возраст 15-34 лет – 45%. Молодые люди активно перемещаются между отдельными регионами, но не менее интенсивный переток молодежи происходит в пределах регионов, между отдельными муниципальными образованиями – муниципальными районами и городскими округами. Притягательны для молодежи крупные города, которые чаще всего являются столицами регионов.

До начала 2010-х гг. изучение миграции молодежи статистическими методами сдерживали, прежде всего, два обстоятельства. Во-первых, учет миграции до реформы статистики долговременной миграции 2011 г. был неполный, а учебная миграция и вовсе выпадала из поля зрения Росстата. После изменения методики учет не стал идеальным, но изучение разных видов молодежной миграции стало возможным. Во-вторых, с 2012 г. в открытом доступе появились данные в разрезе муниципальных районов и городских округов (Росстат, БД ПМО), которые ранее были доступны либо в малотиражных статистических сборниках, либо – путем запросов в территориальные органы Росстата. Одновременно получила развитие система мониторингов вузов, которую ведет Минобрнауки России.

В данной работе кратко проанализированы основные направления исследования миграции молодежи в мире и в России, а также основные направления и структурные характеристики этой миграции в современной России. В интерпретации полученных результатов мы опирались на проведенные ИНСАП РАНХиГС в 2015, 2017 и 2018 гг. исследования миграции в малых, средних и крупных городах.

1. Основные направления изучения молодежной миграции в России и в мире

Исследователями накоплен большой опыт исследования миграции молодежи, которая изучается в контексте связи с событиями жизненного цикла (life course). Именно в молодом возрасте наиболее часто происходят события, в связи с которыми люди склонны менять место жительства. К ним, прежде всего, относят получение образования, выход из родительской семьи, первые партнерства и браки, рождение детей, начало профессиональной карьеры.

Первое в жизни самостоятельное переселение чаще всего совершается в целях получения образования (образовательная миграция, студенческая миграция, в западной литературе - «collegebound» [1]. С этой целью молодые люди перемещаются в крупные

города [2], устремляясь вверх по городской иерархии [1, 3], а также города, где размещаются кампусы крупных университетов [4].

Выбор направления миграции совершается под влиянием как репутации университета [5], так и под влиянием представлений об экономическом благополучии региона, где он располагается [6]. С другой стороны, миграция молодежи – причина устойчивой депопуляции сельских коммун, что вызывает серьезную озабоченность исследователей [7].

По окончании обучения в колледже или университете наиболее распространенными мотивами переезда являются возвращение в родительский дом или поиск работы, с этой целью совершаются дальнейшие миграционные перемещения [8]. Отдельно изучаются причины, которые препятствуют возвращению образованной молодежи в сельские периферийные территории [9] или способствуют ему [10], различия в характеристиках и мотивах тех молодых людей, кто возвращается после получения образования в родной регион или надолго покидает его [11].

В данном возрасте очень значимо влияют на миграцию факторы рынка труда: поиск рабочего места, соображения начала карьеры и т.п. С этой целью молодые люди перемещаются в т.н. «эскалаторные регионы», концепцию которых предложил Э. Филдинг на примере Юго-Восточной Англии [12]. При этом многие выпускники стремятся остаться в тех местах, где учились [13], если в этих местах есть благоприятные возможности для работы и трудовой карьеры. Появилось даже понятие «lifestyle migration», которое применимо к растущему числу людей, которые принимают решение о миграции на основе своего убеждения в том, что в других местах им доступен более насыщенный образ жизни [14].

Для молодых высокообразованных людей на старте карьеры важны культурная среда и возможности для отдыха [15], с более развитой деловой средой [2], эти возможности они также находят прежде всего в крупных городах, с большей долей образованного населения, расовым многообразием [16]. Сами города и регионы также конкурируют за молодых талантливых людей [17], но, несмотря на важность среды, конкурентные преимущества городов прежде всего связаны с наличием хороших рабочих мест. Сохранение (удержание) выпускников университетов представляется особенно сложной задачей для университетских центров на периферии [18].

Миграционные ориентации выпускников могут различаться в зависимости от полученной специальности [19]. Подобные различия в послевузовской миграции отмечают исследователи и в России [20].

Наконец, на стадии создания семьи, рождения и воспитания детей миграционные стратегии молодежи (в возрасте около 30 лет) могут вновь изменяться. На данной стадии жизненного цикла люди начинают отдавать предпочтение не столько крупным городам, сколько их пригородам (субурбиям) или небольшим городским поселениям. Особенно часто переезд в данном направлении свойственен высокообразованным людям, а также людям творческих профессий [21].

Межстрановые сравнения миграции показывают, что наличие «молодежного пика» характерно для всех стран, но страны и группы стран различаются по его конфигурации. В одних странах (например, Китай), где жизненные траектории молодых людей достаточно однообразны, пик миграции смещен к самым молодым возрастам (18-20 лет); в других он растянут или смещен к более старшим возрастам [22].

Для России характерны те же паттерны молодежной миграции, что и наблюдаются в развитых странах, об этом свидетельствует общее сходство возрастных профилей миграции [23]. Однако у России есть свои особенности, которые сближают ее не с европейскими странами, а, скорее, с Китаем. Отличие России от многих стран состоит в том, что многие события жизненного цикла (окончание школы, поступление в вуз, начало профессиональной деятельности) наступают несколько раньше, чем, например, в странах Европы. Подавляющее большинство молодых людей поступает в вузы сразу после окончания школы, в возрасте 17-18 лет [24]. К 23-24 годам основная доля молодых людей заканчивает обучение, с этим возрастом часто связаны следующие события: возвратная миграция в регион, откуда они родом; переезд в регион, где они находят работу и начинают делать карьеру. Значительная часть молодежи начинает трудовую деятельность в том регионе, где они получали образование, т.е. окончание обучения может не сопровождаться выездом из региона. К возрасту 24-25 лет зачастую совершается окончательный выход взрослых детей из родительского дома [25].

В России миграция молодежи изучалась в основном в контексте образовательной миграции, миграции выпускников школ, работы посвящены в основном статистическому изучению ее масштабов и направлений [24]. Масштабы и направления межрегиональной образовательной миграции достаточно подробно проанализированы в исследованиях сотрудников Института образования НИУ ВШЭ [26, 27].

Есть работы, посвященные миграции выпускников учреждений среднего профессионального образования в отдельных российских регионах [28], или учебной миграции в отдельные вузы [29].

Несмотря на спад учебной миграции в России в 1990-е гг. [30], образовательная миграция молодежи в России восстановила свое устойчивое направление – из сельской

местности и малых городов в крупные, и часто получение образования является, в т.ч., использованием возможности переезда в крупный город. Намерения к образовательной миграции из малых городов имеют большое распространение [31], это – сознательная стратегия миллионов российских семей [32]. Миграция молодежи изучалась в проектах ИНСАП РАНХиГС в ходе комплексного исследования миграции в малых (2015 г.) и средних (2018 г.) городах [33, 34]. Отток молодежи из сельской местности и малых городов, отдельных регионов признается как одна из наиболее значимых проблем современной России, обсуждаются возможности его сокращения [35].

Изучается потенциальная миграция выпускников вузов [36], которая оценивается в 30-33% намеревающихся мигрировать в пределах России и 5-7% - за рубеж [37].

Одним из современных методов изучения миграции молодежи является анализ данных социальных сетей (например, ВКонтакте), изучаются, в частности, направления переселений, и миграция, связанная с получением образования [20, 38].

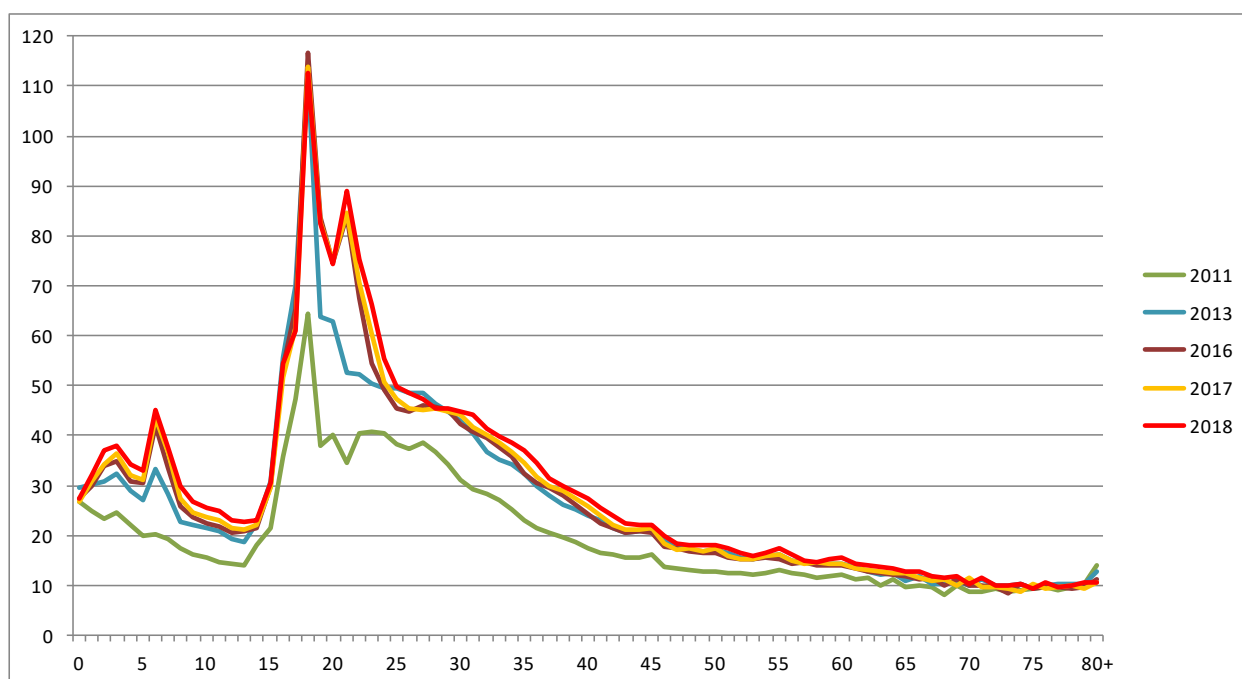
К возрасту 25 лет подавляющее большинство россиян входят в возраст высокой экономической активности, создания семей и деторождения. Средний возраст вступления в первый брак в России в 2011 г. составлял у женщин 25,0 лет, у мужчин - 27,4 года [39], 27,7 лет - средний возраст матери при рождении первого ребенка. Т.е. с возраста 25 лет миграция может быть тесно связана как с поиском работы и карьерой, так и с поиском жилья для увеличившейся в размерах семьи [40]. Вопросы миграции на стадии жизненного цикла, наступающей после получения образования, в России практически не изучены. Также явно недоизучен вопрос о возвратной миграции после получения образования, в т.ч. из крупных городов в малые города и сельскую местность.

Практически неизученными в России остаются в целом вопросы возвратной миграции молодежи, миграции молодых семей, хотя в развитых странах эти вопросы, как было показано выше, активно изучаются. Также крайне мало изучен вопрос миграции, связанный с получением среднего профессионального образования, не ясны даже масштабы этого потока.

2. Направления и структурные характеристики миграции российской молодежи

Современный возрастной профиль долговременной миграции (именно ее фиксирует и публикует Росстат) с явно выраженным пиком в молодых возрастах сформировался в 2010-х гг. До этого пик в молодых возрастах был не таким выраженным из-за явного недоучета учебной миграции: многие внутренние и международные учебные мигранты, несмотря на долговременный характер переезда, оставались вне статистического учета [41].

В 2011 г., после распространения учета на лиц, регистрирующихся по месту пребывания на срок 9 месяцев и более (до этого они имели возможность 90 дней проживать, не оформляя регистрацию) возрастной профиль внутренней миграции претерпел очень быстрые и достаточно коренные изменения, в нем четко обозначился пик в самых молодых возрастах, прежде всего в 18-летнем возрасте [42]. Несмотря на то, что число внутренних мигрантов, фиксируемых Росстатом, в целом за 2010-2018 гг. увеличилось в 2,21 раза, в возрасте 18-21 лет увеличение показателя превысило 3,5 раза. При этом в 2011-2013 гг. проявился только пик миграции в возрасте 18 лет, в последующие годы стал появляться второй пик в возрасте 21 года, которого в первые годы не было (рисунок 1, данные включают как межрегиональных, так и внутрирегиональных мигрантов). Появление данного пика с временным лагом объясняется тем, что новая методика учета считает выбывшими (т.е. прибывшими в регионах, откуда они раньше выехали, например, на учебу) в обратном направлении всех, у кого закончился срок действия регистрации по месту пребывания. Мы сомневаемся, что все эти люди возвращаются домой в реальности, т.к. значительная часть из них остается проживать по месту учебы, и не все оформляют новую регистрацию, или делают это не сразу. Поэтому реальное наличие второго пика «возвратной» после учебы миграции мы ставим под вопросом.

Примечание – Источник: Росстат, текущий учет.

Рисунок 1 - Внутророссийская миграция (прибытия), на 1000 населения соответствующего возраста

Расчет показателя интенсивности миграционного прироста населения в возрасте 15-19 и 20-24 лет (межрегиональная миграция) показывает, что регионы, наиболее интенсивно

теряющие молодежь в связи с выездом на учебу (15-19 лет), имели сильный приток населения в возрасте 20-24 лет (таблица 1). Места регионов в рейтинге меняются на прямо противоположное: Санкт-Петербург, Томская область, притягивающие молодежь в возрасте 15-19 лет и реально являющиеся крупнейшими российскими центрами учебной миграции [27], в 20-24 лет активно ее теряли; напротив, Республики Тыва, Чукотский АО теряли 15-19-летних и притягивали 20-24-летних. По причине «возвращения» молодежи, начиная со второй половины 2010-х гг., отмечается приток молодежи 19-22 лет в сельскую местность, чего в реальности нет, точнее, он существует только на бумаге [43, 44].

Таблица 1 - Нетто-прирост, межрегиональная миграция, 2018 г., на 1000 населения соответствующего возраста (регионы ранжированы по значению показателя – 10 лидеров и 10 аутсайдеров)

Место в рейтинге по значению показателя		15-19 лет		20-24 года
1	г. Санкт-Петербург	67,6	Чукотский АО	62,7
2	Томская область	37,1	Ленинградская область	56,0
3	г. Москва	29,4	Р. Тыва	53,7
4	г. Севастополь	25,0	Мурманская область	33,7
5	Ленинградская область	20,1	Сахалинская область	25,3
6	Ярославская область	17,2	Московская область	23,9
7				
Продолжение таблицы 3.1	Новосибирская область	16,9	Камчатский край	23,5
8	Воронежская область	15,7	Ямало-Ненецкий АО	21,1
9	Ростовская область	9,1	Ханты-Мансийский АО	20,5
10	Московская область	8,1	Р. Алтай	17,6
76	Р. Хакасия	-25,0	Смоленская область	-9,2
77	Р. Алтай	-26,5	Хабаровский край	-11,0
78	Камчатский край	-26,9	Новосибирская область	-11,5
79	Ямало-Ненецкий АО	-27,7	Р. Мордовия	-11,6
80	Р. Калмыкия	-30,9	Воронежская область	-13,8
81	Магаданская область	-32,2	Курганская область	-14,0
82	Республика Коми	-32,3	Омская область	-15,4
83	Мурманская область	-33,6	Орловская область	-17,2
84	Р. Тыва	-37,2	г. Санкт-Петербург	-21,5
85	Чукотский АО	-55,2	Томская область	-40,0

Примечание - Источник: Росстат, текущий учет.

Поэтому в аналитических целях межрегиональные сравнения межрегиональной миграции молодежи после 2015 г. целесообразно проводить по следующим возрастным группам:

15-19 лет – данный показатель демонстрирует масштабы и направления миграции, связанной с получением образования (учебной миграции);

20-29 лет – показывает общий отток молодежи, связанный с учебой, последующим «возвращением» и притоком/оттоком в иных целях (работа, семейные обстоятельства и т.п.). К данной группе можно отнести и лиц 30-34 лет, но принципиальных отличий в направлении их миграции нет, а значение коэффициента она существенно снизит, т.к. это – самая многочисленная группа населения в России, чье рождение пришлось на 2-ю половину 1980-х годов.

Отметим, что статистика долговременной миграции фиксирует не все переселения, а только те, которые сопровождаются регистрацией по месту жительства (пребывания).

Частично предположение о доминировании учебной миграции в самых молодых молодежных возрастах позволяет подтвердить статистика причин миграции, которые разрабатывает Росстат в ходе текущего учета миграции. Распределение межрегиональных мигрантов по причине смены места жительства/пребывания представлено в таблице 2. К сожалению, большая доля указываемых причин обозначаются очень общо (например, причины личного (семейного) характера, иные причины), и не дают полностью адекватного представления о реальных мотивах миграции в России.

Таблица 2 - Межрегиональные мигранты в возрасте 14 лет и старше по причине смены места жительства, 2016-2018 гг., %

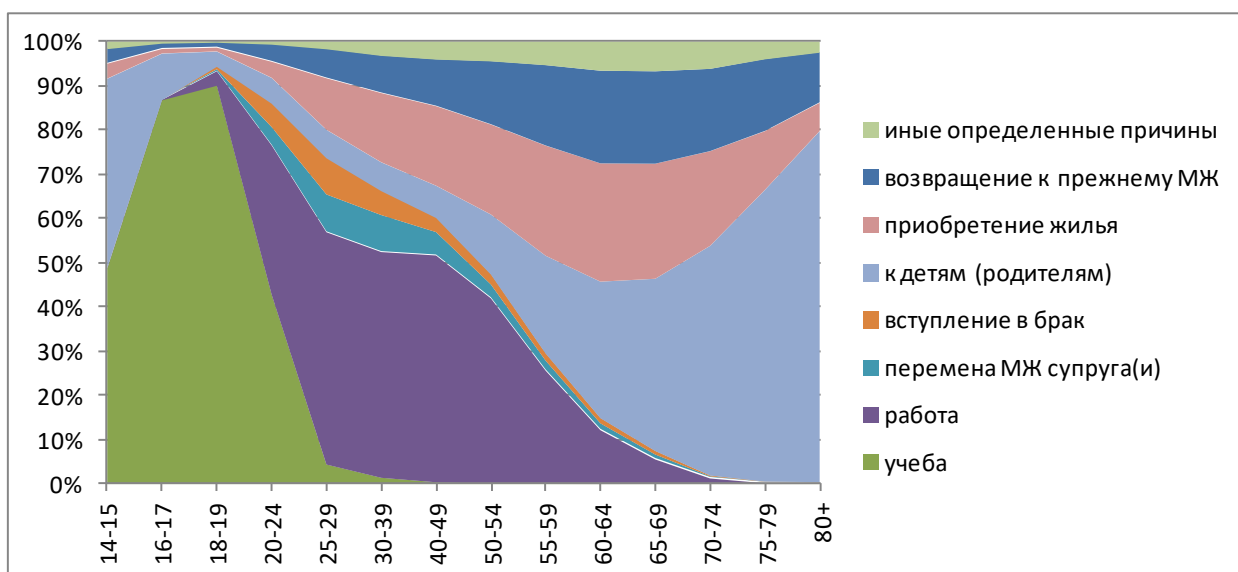
	% указавших причину
Все причины	100,0
В связи с учебой	7,7
В связи с работой	10,4
Возвращение к прежнему месту жительства	2,3
Обострение межнациональных отношений и криминогенной обстановки	0,0
Экологическое неблагополучие, несоответствие природно-климатических условий	0,7
Причины личного, семейного характера, в т.ч.:	30,0
в связи с переменной места работы супруги(а)	1,4
в связи с вступлением в брак	1,3
к детям	1,6
к родителям	1,9
Приобретение жилья (покупка, наследование т.п.)	3,5
Иные причины	8,7
Возвращение после временного отсутствия*	29,9
Причина не указана	6,8

Примечания

1 Источник: Росстат, текущий учет.

2 * - Данная причина стала разрабатываться с 2016 г., она сильно искажает реальные причины миграции, подробнее см. [43].

Если исключить из рассмотрения неопределенные причины («иные причины», «причина не указана») и «возвращение после временного отсутствия», соотношение остальных причин меняется. В межрегиональной миграции доля переселений, связанных с работой, в числе определенных причин составила в 2016-2018 гг. 19,0%. На причины семейно-личного характера пришлось 54,9%, на учебные – 14,0%. Обращает на себя внимание распределение отдельных причин по возрастным группам мигрантов (рисунок 2).

Примечания

1 - Источник: Росстат, данные текущего учета.

2 - Исключены неопределенные причины семейно-личного характера, «возвращение после временного отсутствия» и «иная причина».

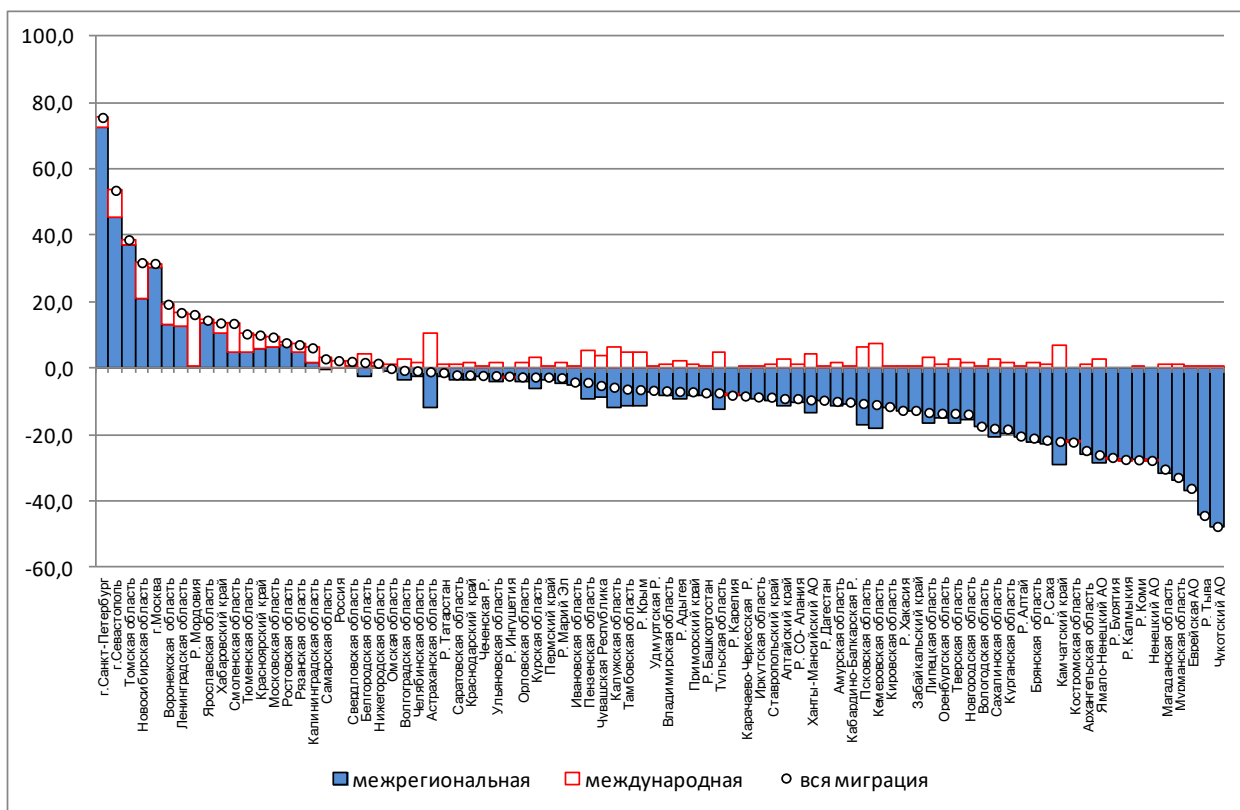
Рисунок 2 - Межрегиональные мигранты по возрастным группам и отдельным причинам смены места жительства в 2016-2018 гг., %

Получается, что причины (мотивы) миграции имеют сильные различия в зависимости от возраста мигрантов. В возрастах 16-24 года доминирует учебная миграция, после 25 лет и до предпенсионного возраста – перемещения в связи с работой, а также семейные причины, приобретение жилья и т.п.

3. Региональные особенности миграционного баланса молодежи отдельных возрастов

В возрасте переезда с преимущественно учебной целью (15-19 лет) наиболее привлекательные для мигрантов регионы, испытывающие наиболее интенсивный прирост

населения – федеральные города (Москва и Санкт-Петербург с областями, г. Севастополь), а также регионы, обладающие развитой сетью вузов (Томская, Новосибирская, Воронежская, Ярославская области, Хабаровский край) (рисунок 3). Напротив, интенсивный отток молодежи на учебу идет из регионов Севера и Востока России, где сеть вузов не развита. Всего приток молодежи 15-19 лет за счет межрегиональной миграции в 2016-2018 гг. имели 19 регионов России, остальные испытывали отток; с учетом международной миграции число притягивающих мигрантов регионов увеличивалось до 23.

Примечание - Источник: Росстат, данные текущего учета.

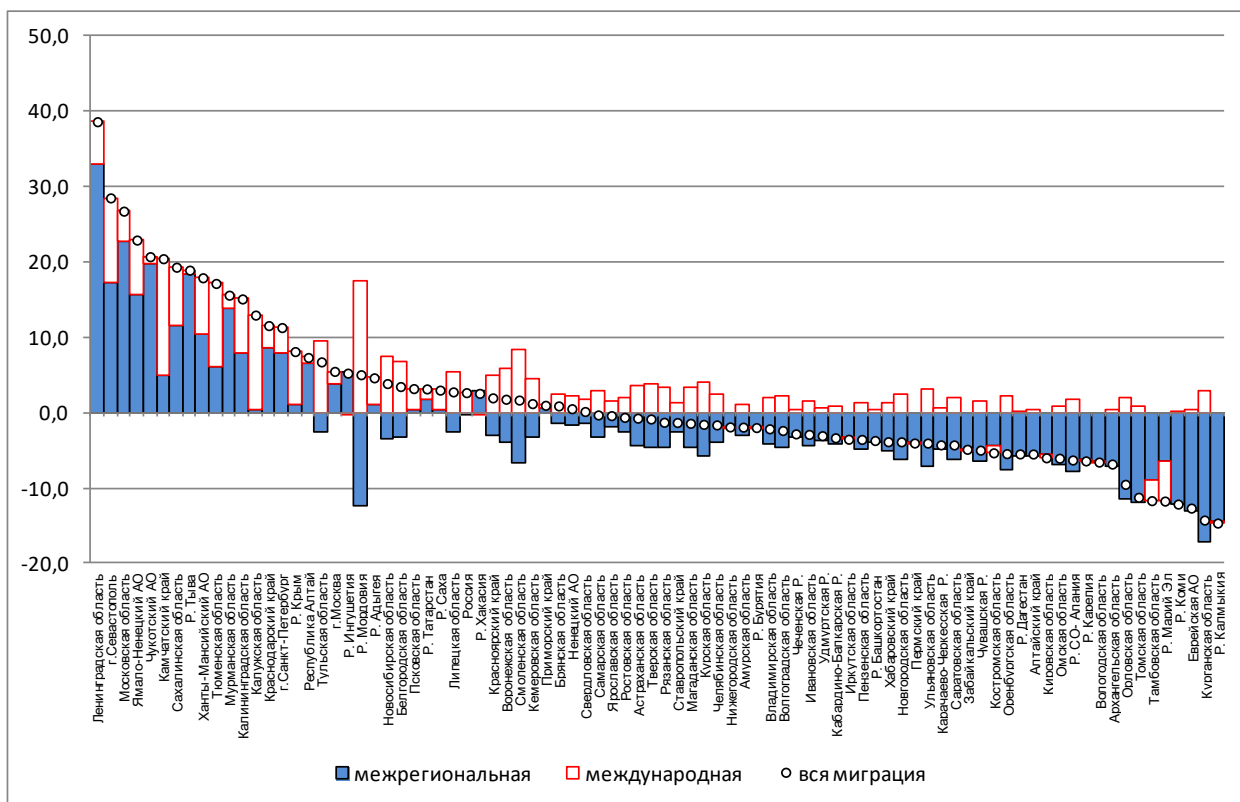
Рисунок 3 - Миграционный прирост/убыль населения по отдельным потокам, 15-19 лет, в среднем за 2016-2018 гг., на 1000 населения соответствующего возраста (ранжированы по интенсивности всей миграции)

В возрасте 20-29 лет, когда роль миграции на учебу снижается, и главными мотивами переселений становятся поиск работы, семейные, жилищные причины, рейтинг регионов по привлекательности для мигрантов кардинально меняется. На первые места выходят не крупнейшие города (Москва и Санкт-Петербург), а их области (рисунок 4). Это объясняется тем, что вчерашние учебные мигранты в массе остаются после обучения в крупнейших агломерациях, но в поисках более дешевого жилья переселяются в пригороды; к ним присоединяются молодые профессионалы – жители других регионов, также активно переселяющиеся в Московскую и Ленинградскую область [45, 46].

Помимо них, на первые места выходят регионы, богатые природными ресурсами, отличающиеся высокими заработными платами (Сахалинская, Тюменская, Мурманская

области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский АО). Приток молодежи в эти регионы обеспечивает прежде всего межрегиональная миграция, международная миграция играет второстепенную роль. Попадание в данную группу регионов Тывы объясняется, по-видимому, большим числом «возвратных» после учебы мигрантов, полагаем, что часть этой возвратной миграции фиктивна. Также есть регионы, приток в которые обеспечивает в большей мере международная миграция: это Севастополь, Тюменская, Калужская, Калининградская области, Республика Крым.

Санкт-Петербург располагался в «рейтинге» привлекательности для молодежи 20-29 лет на 15 месте, Москва – на 19. Объективно их место в рейтинге выше, т.к. переезжающие в пристоличные области также, естественно, ориентируются на центры агломераций.

Примечание - Источник: Росстат, данные текущего учета.

Рисунок 4 - Миграционный прирост/убыль населения по отдельным потокам, 20-29 лет, в среднем за 2016-2018 гг., на 1000 населения соответствующего возраста (ранжированы по интенсивности всей миграции)

Напротив, интенсивный отток молодежи в возрасте 20-29 лет отмечается из сравнительно небогатых регионов, с неблагоприятной ситуацией на рынке труда, таких, как Еврейская АО, Калмыкия, Курганская, Кировская область, Алтайский край. Также в числе отдающих молодежь данного возраста Томская область, но это – следствие очень интенсивного притока в возрасте 15-19 лет: естественно, не все выпускники хороших вузов

Томска могут (и стремятся) найти себе работу и остаться проживать в области, они уезжают в другие регионы, часть – возвращается к месту прежнего проживания.

В межрегиональной миграции в 2016-2018 гг. 26 регионов имели миграционный прирост населения в возрасте 20-29 лет, остальные его теряли. Международная миграция увеличивала число регионов с положительным балансом миграции в данных возрастах до 37, т.е. все равно больше половины регионов молодежь теряли. В целом международная миграция позволяет многим регионам сгладить отток молодежи в столицы и их области, а также в экономически процветающие регионы.

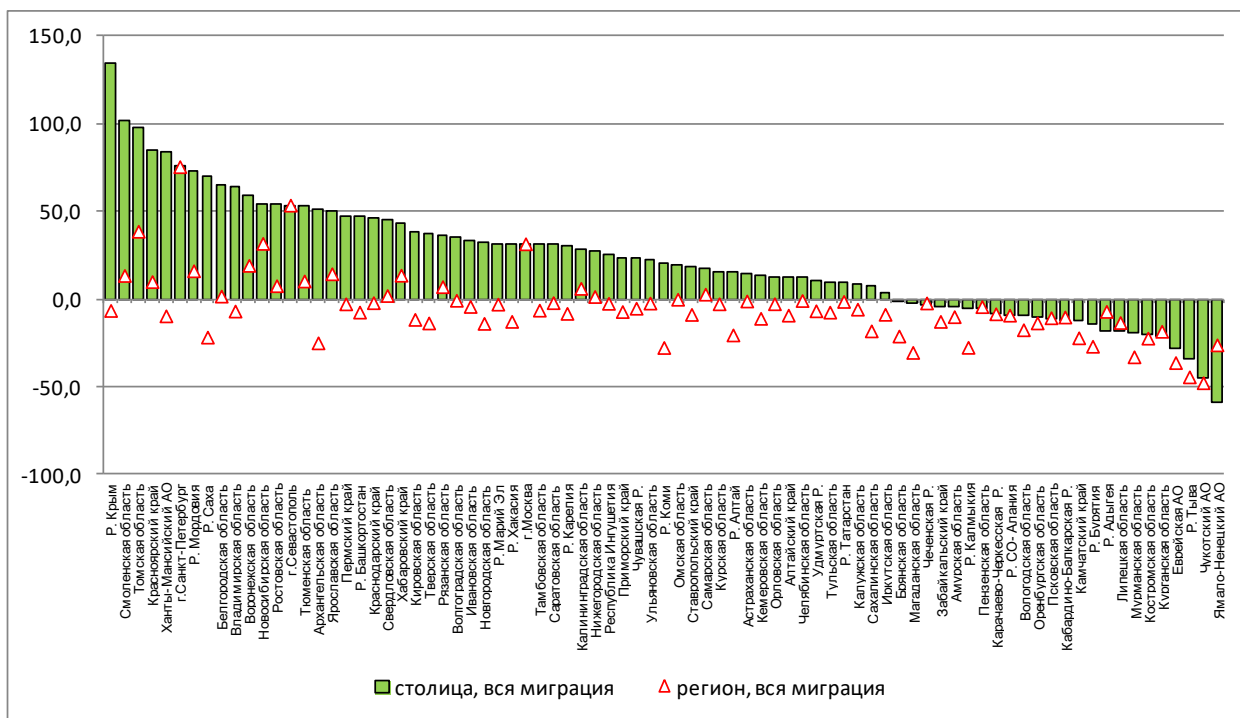
4. Миграция молодежи на муниципальном уровне – ключевые направления

Однако анализ ситуации в области миграции молодежи на региональном уровне, с одной стороны, «размазывает» показатели миграции, наблюдаемые по отдельным точкам притока молодежи на весь регион (Красноярский край и г. Красноярск; Свердловская область и г. Екатеринбург). С другой стороны, вне рассмотрения оказывается внутрирегиональная миграция, на которую приходится около половины внутристрановых миграционных перемещений, фиксируемых Росстатом. В целях изучения миграции на уровне отдельных муниципальных образований России уровня городских округов и муниципальных районов была создана база данных показателей, включающих показатели миграционного прироста/убыли населения по 5-летним возрастным группам по отдельным потокам миграции (вся миграция, миграция в пределах России (внутрирегиональная, межрегиональная), международная за 2016-2018 гг., а также показатели численности населения по 5-летним группам для МО соответствующего уровня – для расчета возрастных коэффициентов миграционного прироста/убыли.

Источником информации являлась База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО <https://www.gks.ru/storage/mediabank/munst.htm>), размещенная на сайте Росстата. В данной базе присутствуют показатели по всем регионам России, за исключением республики Дагестан, Чукотского АО (кроме г. Анадырь), а также закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАТО) и г. Новомосковску Тульской области. Общее число МО, по которым не удалось собрать необходимую информацию – 92 (3,9% от всего числа МО соответствующего уровня в России, гг. Москва и Санкт-Петербург считались отдельными МО), в них проживали на начало 2017 г. 4,1 млн. человек (2,8% всего населения страны).

За исключением нескольких регионов, для возраста 15-19 лет баланс миграции столиц (показатель миграционного прироста) выше, чем в целом по региону (рисунок 5), и это не удивительно: почти везде столицы - это крупные города, где располагаются почти

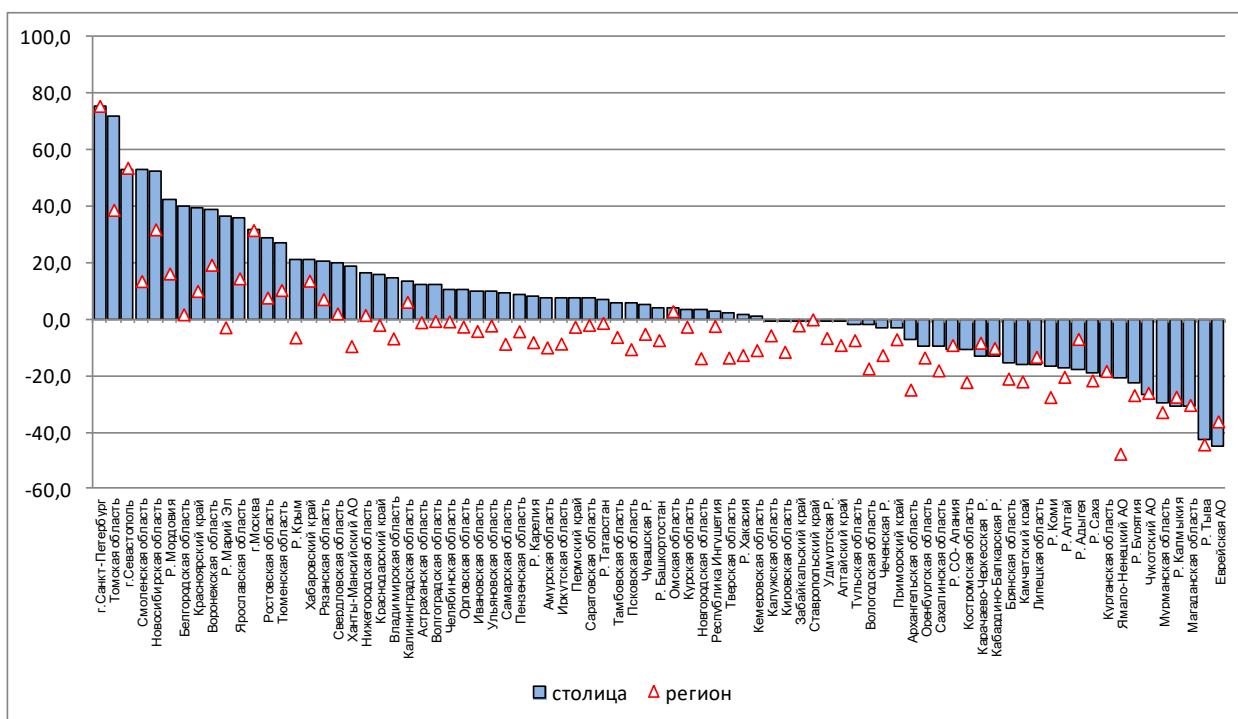
все вузы региона. Только в Ямало-Ненецком АО, Курганской области и нескольких республиках Северного Кавказа столица имеет более высокую миграционную убыль населения в данном возрасте, чем регион в целом. В отличие от всего региона, 70% региональных столиц имели в 2016-2018 гг. миграционный прирост населения в возрасте 15-19 лет.

Примечание - Источник: Росстат, данные текущего учета; БД ПМО.

Рисунок 5 - Миграционный прирост/убыль населения регионов и их столиц, 15-19 лет, вся миграция, в среднем за 2016-2018 гг., на 1000 населения соответствующего возраста (ранжированы по показателю для столиц)

Столицы часто обеспечивают миграционный прирост населения в целом региона. Даже без учета внутрирегиональной миграции, которая почти всегда обеспечивает приток молодежи 15-19 лет в столицы, 48 региональных столиц (без учета Московской, Ленинградской областей, Ненецкого АО и р. Дагестан (отсутствие данных в БД ПМО)) имели прирост за счет внешней для региона миграции (межрегиональной и международной) (рисунок 6), тогда как среди регионов положительный баланс миграции в этом возрасте имели только 23. При этом половина столиц имеют миграционную убыль молодежи 15-19 лет в межрегиональной миграции, за счет оттока молодежи в более привлекательные столицы.

Примечание - Источник: Росстат, данные текущего учета; БД ПМО.

Рисунок 6 - Миграционный прирост/убыль населения регионов и их столиц, 15-19 лет, внешняя для региона миграция, в среднем за 2016-2018 гг., на 1000 населения соответствующего возраста (ранжированы по показателю для столиц)

Наиболее интенсивная убыль молодежи 15-19 лет за счет внешней для региона миграции среди региональных столиц, согласно рассчитанным показателям, отмечалась в 2016-2018 гг. в Биробиджане, Кызыле, и ряде других регионов Севера и ряда республик Северного Кавказа и Юга Сибири, где база учреждений высшего образования не получила достаточного развития.

Таким образом, именно столицы в подавляющем большинстве регионов обеспечивают миграционный прирост молодежи в наиболее привлекательных регионах, а в половине регионов, несмотря на общий отток молодежи студенческих возрастов в другие регионы, могут удерживать баланс учебной миграции на положительном уровне.

Ранжирование всех муниципальных образований России по показателю интенсивности общего миграционного прироста в возрасте 15-19 лет (рисунок 7) показывает следующее:

- Многие муниципальные образования (МО) – лидеры имеют миграционный прирост в первую очередь в результате внутрирегиональной миграции, во вторую – в результате межрегиональной. Международная миграция играет в миграционном приросте незначительную роль (исключения – гг. Саранск и Йошкар-Ола, в меньшей мере – Тамбов и Новосибирск);

- В числе МО – лидеров по данному показателю есть много пригородных МО, прежде всего гг. Санкт-Петербурга (Всеволожский, Ломоносовский МР), Москвы

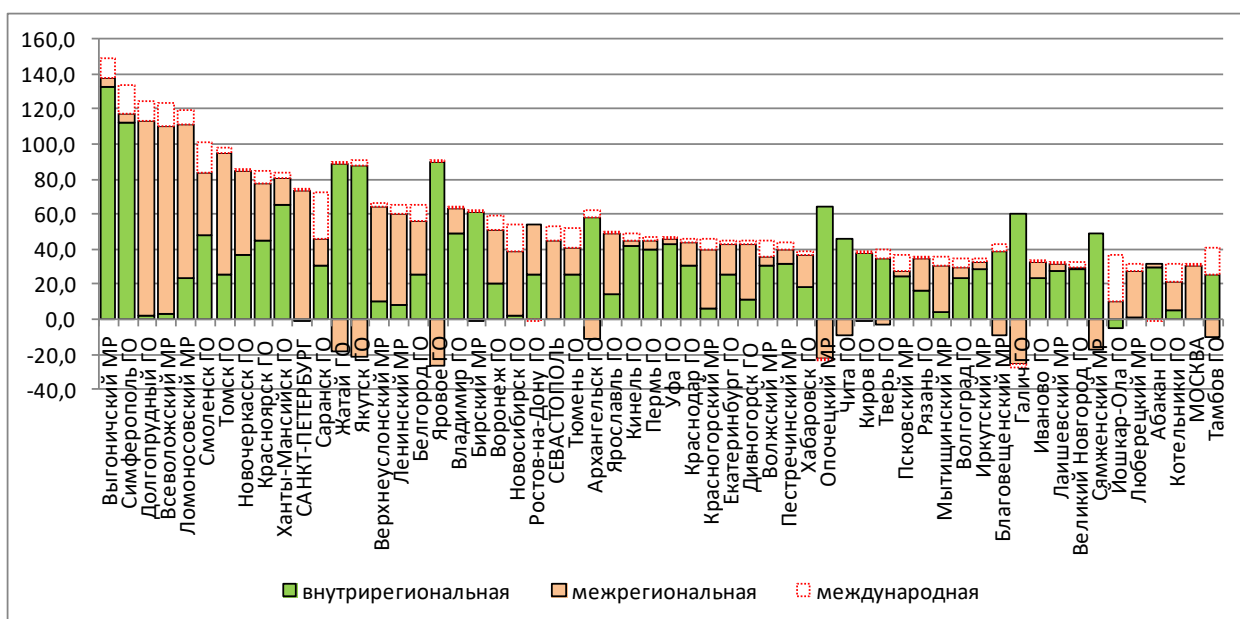
(Долгопрудный ГО, Ленинский, Красногорский, Мытищинский МР), Казани (Верхнеуслонский, Пестречинский МР) и других региональных столиц. Они опережают по показателю миграционного прироста молодежи сами крупнейшие города, как в целом пригороды опережают по интенсивности миграционного прироста столицы;

– Среди лидеров по показателю миграционного прироста выделяется Выгоничский МР Брянской области, благодаря тому, что в с. Кокино располагается Брянская государственная сельскохозяйственная академия. Город Долгопрудный занимает третье место, т.к. в нем базируется НИУ МФТИ; в г. Новочеркасск Ростовской области базируются ЮРГПУ (НПИ);

– Москва и Санкт-Петербург, притягивающие огромное число молодежи студенческих возрастов, находятся в числе лидеров далеко не на самых высоких позициях. Полагаем, что в определенной мере их показатели понижают ближайшие пригороды. Но эти города, помимо того, что являются крупнейшими вузовскими центрами, привлекают мигрантов всех возрастов, тогда как такие, как, например, Томск, являются центрами притяжения прежде всего молодежи;

– Ряд городов, лидирующих по общему притоку молодежи 15-19 лет, теряют ее в межрегиональной миграции (Якутск, Чита, Архангельск). Это – влияние общего оттока населения из региона, распространяющееся и на отток молодежи из столиц. Однако приток из внутрирегиональной периферии его в данном случае с лихвой перекрывает.

Ранги МО по притягательности для молодежи студенческих возрастов претерпевают определенные изменения. Так, в 2012-2016 гг. среди городов по показателю миграционного прироста населения в данном возрасте лидировали Якутск, Новочеркасск и Хабаровск [47].

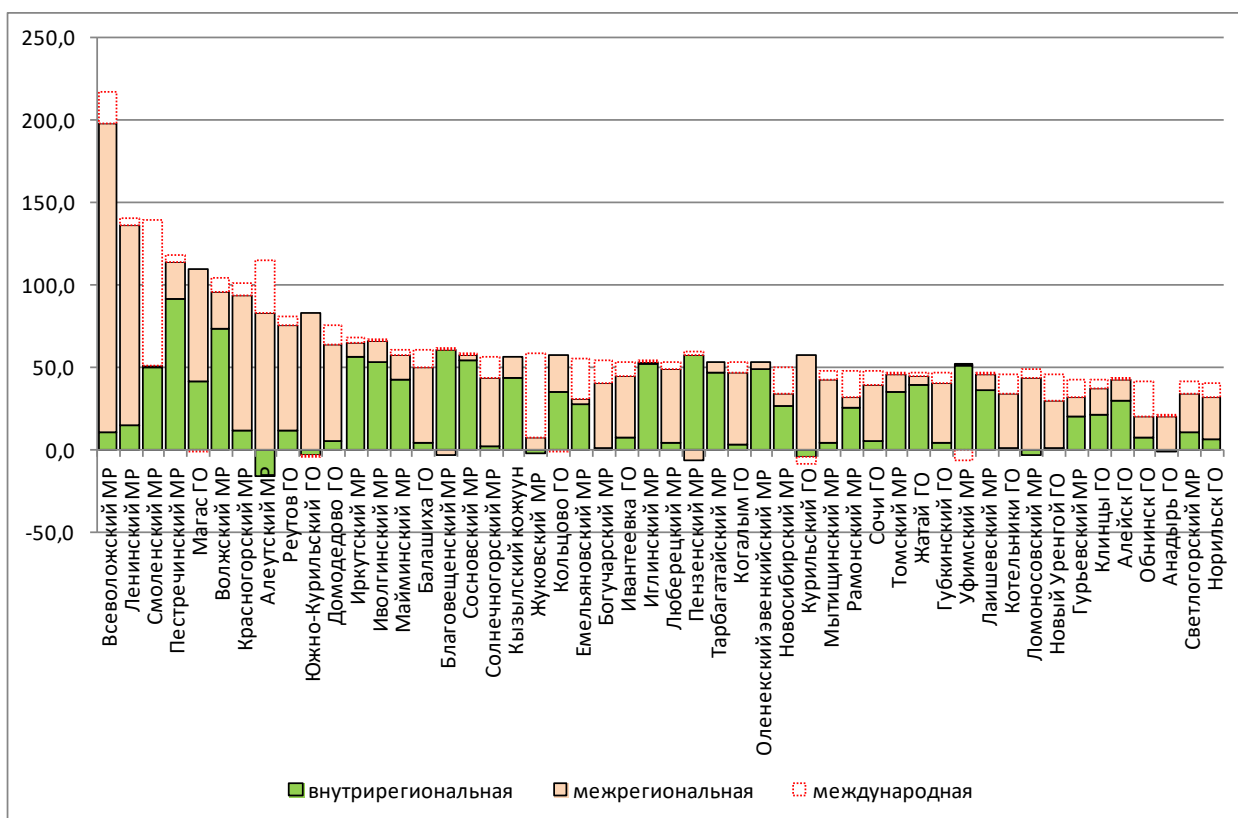
Примечание - Источник: Росстат, данные текущего учета; БД ПМО.

Рисунок 7 - Миграционный прирост/убыль населения муниципальных образований – лидеров, 15-19 лет, по потокам, в среднем за 2016-2018 гг., на 1000 населения соответствующего возраста (ранжированы по показателю интенсивности общего миграционного прироста)

Конечно, в данном ряду есть и довольно странные МО, которые попали в него формально, «благодаря» очень малой численности молодежи, в результате чего даже приток нескольких десятков человек в данном возрасте способен сильно повысить общий коэффициент. Таковы г. Яровое Алтайского края, Опочецкий МР Псковской области и т.п.

На противоположном конце рейтинга, с самым интенсивным общим оттоком молодежи 15-19 лет, превышающим 100 на 1000, располагаются МО, представленные сельскими районами Архангельской, Кировской областей, Республик Коми, Саха-Якутии, также других регионов, испытывающих устойчивый общий миграционный отток. Но, несмотря на это, основной отток молодежи из этих МО реализуется в пределах региона, т.е. прежде всего - в свои столицы.

Ранжирование всех муниципальных образований России по показателю интенсивности общего миграционного прироста в возрасте 20-29 лет (рисунок 8) показывает отличные от данных по балансу миграции в более юных молодежных возрастах. Прежде всего, среди топ-50 МО 34 представлены пригородными МО, не только Москвы и Санкт-Петербурга, хотя их больше всего, но и других региональных столиц. Приток молодежи этого возраста в пригороды уже находил отражение в ряде наших публикаций [48, 49]. Основное, что привлекает в данные МО – близость к крупным центрам с их сравнительно диверсифицированным рынком труда при возможности экономии на решении жилищных проблем.

Примечание - Источник: Росстат, данные текущего учета; БД ПМО.

Рисунок 8 - Миграционный прирост/убыль населения муниципальных образований – лидеров, 20-29 лет, по потокам, в среднем за 2016-2018 гг., на 1000 населения соответствующего возраста (ранжированы по показателю интенсивности общего миграционного прироста)

Межрегиональная и внутрирегиональная миграция вносят примерно равный вклад в приток молодежи 20-29 лет в топ-50 МО. В Московской и Ленинградской областях явным образом преобладает межрегиональная миграция, в т.ч. из центров агломераций; в пригородах других столиц – внутрирегиональная. Роль международной миграции невелика и выделяется только в Жуковском МР и ГО Обнинск Калужской области.

К числу наиболее интенсивно прирастающих молодежью этого возраста принадлежат несколько столиц, среди которых создаваемый «с нуля» Магас и крошечный Анадырь. Также есть несколько довольно крупных городов ресурсодобывающих регионов – Когалым, Губкинский, даже Норильск; особняком стоит город-курорт Сочи. Есть и МО, попавшие в число лидеров случайно (например, Оленекский эвенкийский МР).

Отметим, что миграционный баланс молодежи данного возраста в значительной мере искажает существующая методика статистического учета. Дело в том, что по окончании регистрации по месту пребывания, например, по месту обучения, человек становится автоматически выбывшим в тот регион, где находится место его регистрации по месту проживания. В реальности многие молодые люди не покидают крупные города, где они обучались, устраиваются на работу и продолжают проживать в них, зачастую не

оформляя новой регистрации. Статистика миграции таких людей не видит, а миграционный прирост крупных городов, особенно в возрасте 20-24 года, занижен, а у наиболее активно притягивающих учебных мигрантов – резко отрицателен. Подробнее об этой проблеме см. [43].

В числе МО, наиболее интенсивно теряющих молодежь в возрасте 20-29 лет, те, которые также располагаются в регионах устойчивого миграционного оттока, в основном сельские. География их достаточно разнообразна, в топ-50 «антилидеров» рейтинга МО 18 регионов России, от Псковской области до Камчатского края. В целом, как показывали ранее проведенные исследования [50], внутрирегиональная глубинка повсеместно интенсивно теряет молодежь.

Согласно нашим расчетам, в 2016-2018 гг. ежегодно более 1% молодежи в возрасте 20-29 лет теряли 41,6% муниципальных образований России ранга муниципальных районов и городских округов. Примерно 40% МО ежегодно теряли более 3% молодежи в возрасте 15-19 лет. Получается, что очень значительная часть муниципальных образований России теряет не менее 15% молодежи «студенческих» возрастов и не менее 10% 20-летних. Число МО, теряющих более 25% молодежи 15-19 лет и еще 20% молодежи 20-29 лет в России около 20%. И это – вся миграция, потери в результате внутрироссийской миграции выше, т.к. международная миграция в некоторой мере восполняет отток во внутрироссийской. И, обратим внимание, это – данные официальной статистики, которая скорее занижает отток молодежи из глубинки, в частности, из сельской местности. Согласно данным полевых исследований, очень большая часть молодежи, формально числящаяся проживающей в сельской местности, например, отдельных регионов Нечерноземья, на самом деле в селе не живет [44, 51].

Заключение

Таким образом, миграция не только перераспределяет молодое население между регионами, но и, в большей степени – между крупными городами – региональными столицами и их пригородами, и сельской местностью, пгт и малыми городами в глубинке. Основной канал миграции – поступление в вузы, реже – в учреждения СПО с последующим поиском работы в городах, где молодые люди ранее обучались, в более старших возрастах – поиск работы и переезд в города на постоянное место жительства. Те, кто не имел достаточных ресурсов для переезда (не только материальных, а прежде всего – человеческого капитала, зачастую покидают глубинку в целях временной работы в других регионах, о чем мы писали ранее [52, 53].

Именно на миграцию в города, на переток молодежи между отдельными муниципальными образованиями России необходимо навести фокус исследований этого вида миграции. К сожалению, статистическое обеспечение исследований на данном уровне в России явно недостаточно, наиболее подробная информация обрабатывается и публикуется на региональном уровне. Однако предстоящая Всероссийская перепись населения 2021 г. (раунд 2020) может предоставить новые данные для исследования миграции в контексте life course, и, прежде всего, миграции молодежи, как наиболее интенсивной и, в силу разных причин, в т.ч. демографических, наиболее значимых для социально-экономического развития принимающих и отдающих мигрантов территорий.

Помимо данных статистики, изучение миграции молодежи может опираться на материалы социологических обследований и глубинных интервью, которые ИНСАП РАНХиГС широко применяет в исследовательских практиках. Однако для отдельных направлений исследований (например, возвратной миграции молодежи) были бы очень полезны панельные данные, которые пока нами не применялись в силу ограниченности горизонта исследований 1 годом. Полагаем, что это – перспективное направление дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Plane D. A., Heins F. Age Articulation of U.S. Inter-Metropolitan Migration Flows. *The Annals of Regional Science*. 2003. vol. 37, no 1. - pp. 107–130
2. Chen Y., Rosenthal S.S. Local amenities and life-cycle migration: Do people move for jobs or fun? // *Journal of Urban Economics*. 2008. 64(3): 519–537
3. Smith D. P., Sage J. (2014) The Regional Migration of Young Adults in England and Wales (2002–2008): A «Conveyor-Belt» of Population Redistribution? // *Children’s Geographies*. Vol. 12. No 1. - P. 102–117.
4. Cooke T. J., Boyle P. The Migration of High School Graduates to College // *Educational Evaluation and Policy Analysis*. 2011. vol. 33, no 2, pp. 202–213
5. Ciriaci D. Does University Quality Influence the Interregional Mobility of Students and Graduates? The Case of Italy. // *Regional Studies*. 2014. vol. 48, no 10, pp. 1592–1608
6. Findlay A.M. An Assessment of Supply and Demand-Side Theorizations of International Student Mobility. // *International Migration*. 2011. vol. 49, no 2. pp. 162– 190
7. Gillies, D. Learning and leaving: education and depopulation in an island community. *Cambridge Journal of Education* Volume 44, Issue 1, January 2014, Pages 19-34
8. Sage J., Evandrou M., Falkingham, J. Onwards or Homewards? Complex Graduate Migration Pathways, Well-being, and the ‘Parental Safety Net’ // *Population, Space and Place*. 2013. Vol. 19, Iss.6: 738–755 DOI: 10.1002/psp.1793
9. Rérat, P. Migration and post-university transition. Why do university graduates not return to their rural home region? *Geographica Helvetica* Volume 71, Issue 4, 19 October 2016. - Pages 271-282
10. Zorlu, A., Kooiman, N. Spatial trajectories in early life: Moving on or returning home? // *Population, Space and Place*. Volume 25, Issue 7, 1 October 2019
11. Niedomysl, T., Amcoff, J. Why return migrants return: Survey evidence on motives for internal return migration in Sweden. // *Population, Space and Place*. Volume 17, Issue 5, September 2011. - Pages 656-673
12. Fielding, A.J. Migration and Social Mobility: South East England as an Escalator Region // *Regional Studies*. 1992. Vol. 26, Iss. 1: 1-15 <https://doi.org/10.1080/00343409212331346741>
13. Hickman DC. The effects of higher education policy on the location decision of individuals: Evidence from Florida’s Bright Futures Scholarship program. // *Regional Science and Urban Economics*. 2009. 39(5): 553–562

14. Benson M., O'Reilly K. Migration and the search for a better way of life: A critical exploration of lifestyle migration. *Sociological Review*. Volume 57, Issue 4. 2009. - Pages 608-625
15. Whisler R. L., Waldorf B. S., Mulligan G. F., Plane D. A. Quality of Life and the Migration of the College-Educated: A Life-Course Approach. *Growth and Change*. 2008. Vol. 39 No. 1. - pp. 58–94
16. Zheng L. What city amenities matter in attracting smart people? *Papers in Regional Science*. 2016. Volume 95. Number 2. – pp. 309-327
17. Hansen, H.K., Niedomysl, T. Migration of the creative class: Evidence from Sweden. *Journal of Economic Geography* Volume 9, Issue 2, 2009. - Pages 191-206
18. Kotavaara, N., Kotavaara, O., Rusanen, J., Muilu, T. University graduate migration in Finland. *Geoforum* Volume 96, November 2018. - Pages 97-107
19. Faggian, A., Comunian, R., Li, Q.C. Interregional migration of human creative capital: The case of "Bohemian graduates". *Geoforum* Volume 55, August 2014. - Pages 33-42
20. Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: томский государственный университет как "центр производства и распределения" человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети "ВКонтакте" // Региональные исследования. 2012. №2(36). - С. 15-28
21. Sandow, E., Lundholm, E. Which families move out from metropolitan areas? Counterurban migration and professions in Sweden (Статья в печати) // *European Urban and Regional Studies*. 2019
22. Bernard A, Bell M., Charles-Edwards E. Improved measures for the cross-national comparison of age profiles of internal migration. // *Population Studies*. 2014. 68(2). – pp. 179-195. <https://doi.org/10.1080/00324728.2014.890243>
23. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 2. - С. 74-80
24. Kashnitsky I.S., Mkrтчyan N.V., Leshukov O.V/ Interregional migration of youths in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics / Пер. с рус. // *Educational Studies*. 2016. Vol.13. No.3. - P.169-203. <https://vo.hse.ru/en/2016--3/191146729.html>
25. Dolgova A, Mitrofanova E. Leaving the Parental Home in Russia: Intergenerational Aspects (in Russ). // *Journal of Economic Sociology*. 2015. 16(5). - 46-76. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2015-5-46-76>
26. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Д.В. Козлов, Д.П. Платонова, О.В. Лешуков; Национальный

исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2017. — 32 с.

27. «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России / Н.К. Габдрахманов, Н.Ю. Никифорова, О.В. Лешуков; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2019. — 48 с.

28. Walker, C. Space, kinship networks and youth transition in provincial Russia: Negotiating urban-rural and inter-regional migration(Article) Europe - Asia Studies. Volume 62, Issue 4, June 2010. - Pages 647-669

29. Попова Е.С. Учебная миграция в Астраханский государственный технический университет // Демоскоп Weekly. 2010. № 441-442 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit09.php>

30. Катровский А. П. Учебная миграция в вузы России: факторы и мотивация//Ж.А. Зайончковская (ред.) Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Совет по миграциям стран СНГ, Центр демографии и экологии человека, 1999. - С. 269–276.

31. Флоринская Ю. Г., Рощина Т. Г. Миграционные намерения выпускников школ малых городов // Мониторинг общественного мнения. 2005. Т. 74. № 2. - С. 77–87.

32. White, A. Internal migration, identity and livelihood strategies in contemporary Russia(Article) // Journal of Ethnic and Migration Studies. Volume 35, Issue 4, 2009. - Pages 555-573

33. Флоринская Ю.Ф. Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии. //Проблемы прогнозирования. 2017. №1. - С. 114-124

34. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. №1 (137). - С. 225-242

35. Захарова И.В. Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов. //Высшее образование в России. 2019. №7. - С. 71-84

36. Чудиновских О. С., Денисенко М.Б. Где хотят жить выпускники российских вузов // Демоскоп Weekly. 2003. № 119–120.

37. Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 3. - С. 36–58

38. Замятина Н.Ю. Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки) Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. №5 (97). - С. 189-208
39. Население России 2010-2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад/ отв. ред. А.Г. Вишневский М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014
40. Geist C., McManus P.A. Geographical Mobility over the Life Course: Motivations and Implications // Population, Space and Place. 2008. Vol. 14, Iss. 4: 283-303 <https://doi.org/10.1002/psp.508>
41. Чудиновских О.С. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. 10: 27-35
42. Кашницкий И.С.. Влияние изменений в правилах учета миграции в 2011 г. на оценку интенсивности миграции молодёжи: когортно-компонентный анализ// Демографическое обозрение. 2017. 4(1). 83-97. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6989>
43. Мкртчян Н.В.. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. //Демографическое обозрение. 2020. 7(1). - С. 83-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>
44. Алексеев А.И., М.И. Воробьев. Сколько сельских жителей в России зимой? // Вестник Московского университета. 2018. Сер. 5. Геогр. 5. - С.104–107
45. Мкртчян Н.В. Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. 2015. №3 (49). - С. 107-116
46. Куричев Н.К. Миграционная и инвестиционная активность жителей городов России на рынке жилья Москвы и Подмосковья // Регион: экономика и социология. 2018. №3 (99). - С. 171-197
47. Мкртчян Н.В. Внутрироссийская миграция в региональных столицах и нестоличных территориях // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2018. - С. 568-585
48. Мкртчян Н.В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? Сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. - С. 26-36
49. Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Серия географическая. 2018. №6. - С. 26-38
50. Karachurina L., Mkrтчyan N. Age-specific Net Migration Patterns in the Municipal Formations of Russia. GeoJournal. 2018. T. 83. №1. - p. 119-136

51. Фомкина А.А. Расхождения в оценках численности сельского населения (на примере Тверской области) // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 5. Геогр.: 6. - С. 88–91
52. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. 2016. №4. - С. 103-123
53. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. 3(43). - С. 78-94